

НОМИНАЦИИ ЯГОДНОЙ ФЛОРЫ В СИСТЕМЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА. БРУСНИКА

Татьяна СИВОВА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь

E-mail: sitavi@tut.by

BERRY FLORA NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE COLOR SYSTEM. COWBERRY

Tatyana SIVOVA

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

E-mail: sitavi@tut.by

ABSTRACT: As a result of this study, the purpose of which is to establish on the material of various discourses (lexicographic, artistic, associative, advertising, Internet discourse) the actual composition of color terms used in cowberry's coloristic descriptions, a coloristic spectrum of plant descriptions has been identified, including more than 30 basic color terms, and also lexemes with the meaning 'to be in bloom', 'not ripe' / 'ripe', with a 'light' seme; a number of color composites testifying to the importance of subtle color differentiation of cowberry in the native speaker linguistic consciousness.

Other important results of the study are: 1) the identification of the cowberry's descriptions color dominant (*red*), confirming the status of the plant as a standard sample of red and manifesting mass color stereotype of its perception; 2) the description of the periphery of cowberry's color nominations, which made it possible to designate the range of individual author's characteristics of the plant (more than 20 nominations, according to an associative experiment); 3) the identification of the functional potential of cowberry's color descriptions, which is manifested in the ontological function, in the function of the aestheticization of reality, cultural-marking, ethnolinguocultural, advertising; 4) the establishment of new color terms, based on floristic nomination, production mechanisms, the lexicography and functionality study which will make some contribution to the Russian color conceptosphere description.

KEYWORDS: color term, phytonym, linguistic consciousness, linguistic picture of the world, associative experiment, linguistics of color

Введение

Флористическая концептосфера языка перманентно находится в ракурсе научного внимания лингвистов в силу аксиологического потенциала фитонимической лексики: „использование фитонимов продолжает мифологическую, религиозную и литературную традиции, уходящие корнями в архетипы лингвокультуры“ (Кропотухина, 2014, с. 35), в силу роли фитонимов в изучении языкового сознания носителя языка, в описании языковой картины мира. Закономерная связь флористического и колористического кода (начиная с лексикографической дефиниции фитонима, в которой цвет – один из дифференциальных признаков), обусловленная как значимостью визуального канала перцепции, так и функциональным потенциалом терминов цвета (подробно – в работах В. Г. Кульпиной), вызывает устойчивый исследовательский интерес лингвистов на протяжении десятилетий.

Целью данного исследования является установление по возможности полного состава актуализируемых в колористических дескрипциях брусники терминов цвета; выявление на основе его доминант стандарта массового цветового восприятия растения, на основе периферии – спектра уникальных колористических характеристик, каждая из которых значима в свете актуальной задачи создания полной версии цветовой концептосферы языка; описание функциональности выявленных корреляций фитонима и терминов цвета на материале различных дискурсов (лексикографического, художественного, ассоциативного, рекламного, Интернет-дискурса). Материалом данного исследования послужили: 1) лексикографические источники, среди которых „Толковый словарь живого великорусского языка“ (Даль, 2006), „Большой толковый словарь русского языка“ (БТС, 2000), „Активный словарь русского языка“ (АС, 2014), „Академический толковый словарь русского языка“ (АТС, 2016), а также электронная библиотека словарей русского языка (SLOVARI.RU); 2) результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в марте – апреле 2021 г. в Гродненском

государственном университете имени Янки Купалы; в НАЭ приняли участие 332 студента¹, обучающиеся на 3-х факультетах: факультете истории, коммуникации и туризма (165), математики и информатики (122), на филологическом факультете (45); возраст респондентов: от 17 до 23 лет; пол: 166 жен., 166 муж.; 3) проза К. Г. Паустовского, представленная произведениями, включенными в Собрание сочинений в 9 т. (Паустовский, 1981 – 1986); 4) данные Национального корпуса русского языка (основной и поэтический подкорпус) (НКРЯ); 5) тексты рекламной коммуникации.

Представление о бруснике в русском языковом сознании, согласно исследованиям Е. В. Дзюбы, разрабатывающей вопросы лингвокогнитивной категоризации объектов природы, сложилось как о типичном образце категории ЯГОДЫ: бруснику отметили 209 человек из 600 (34,83%) (Дзюба, 2015, с. 347). В разных вариантах русской языковой картины мира брусника классифицируется следующим образом: 1) лексикографическая картина мира: *брусника* ‘красные кисловатые ягоды мелкого дикорастущего кустарника; 2) ботаническая: брусника – ягода (ягодovidный плод); 3) агрономическая – ягодная культура; 4) торгово-экономическая – фрукт; 5) таможенная – фрукт; 6) кулинарная – ягода (Дзюба, 2015, с. 348). Таким образом, колористическая характеристика растения нашла отражение в его лексикографической репрезентации.

Лексикографическая репрезентация. Цветовой признак в описании брусники (*красный, зеленый, белый*) фиксируется рядом доступных нам словарей: 1) *брусника* ‘мелкий дикорастущий стелющийся кустарник с вечнозелеными жесткими листьями и красными кисловатыми ягодами’ (БТС, 2000, с. 99); 2) *брусника* ‘кустарничек сем. вересковых с кожистыми вечнозелеными листьями и съедобными кисло-сладкими красными ягодами’ (РСС, 1998); 3) *брусника* ‘лесное растение – кустарничек с кожистыми вечнозелеными листиками, а также съедобные красные кисловатые ягоды его’ (СОШ, 1999); 4) *брусника* ‘мелкий ягодный дикорастущий стелющийся кустарничек сем. вересковых’; собир. ‘мелкие красные кисловатые ягоды этого кустарничка’ (МАС, 1981 – 1984) (SLOVARI.RU); 5) *брусника* ‘мелкий ягодный дикорастущий стелющийся кустарничек сем. вересковых’; собир. ‘мелкие красные кисловатые ягоды этого кустарника’ (АТС, 2016, с. 457); 6) *брусника* ‘круглая ягода размером с ноготь на мизинце ребенка, растущая на низких стелющихся кустах, красная или красно-белая, мягкая, кисло-сладкая с горьковатым привкусом, со светлой мякотью и почти незаметными маленькими семенами внутри’; ‘лесной вечнозеленый стелющийся кустарник с жесткими блестящими листиками овальной формы и гроздьями красных и красно-белых ягод’ (АС, 2014, с. 366).

Представление о цвете брусники расширяется с актуализацией значения цветообозначения *брусничный*²: до включения терминов цвета *розовый* (синхронический срез) и *алый, багровый, багряный, оранжевый* (диахронический). Ср.: 1) *брусничный* ‘темно-красный, цвета спелой брусники’. *Брусничный цвет. Брусничное платье. Брусничный шарф* (БТС, 2000, с. 99); 2) *брусничный* прил. к *брусника. Брусничный цвет* (МАС, 1981 – 1984); 3) *брусничный* ‘густо-розовый, цвета созревающей брусники’ (СОШ, 1999) (SLOVARI.RU); 4) *брусвяный* арх. красный, багряный, цвета брусники; *брусвянить* арх. красить в красный цвет; *брусвянет* краснеть, алеть, багроветь. *От слова девка брусвяняет* (Даль, 2006, с. 197). По мнению В. Моисеенко и Л. Моисеенко, в „широких потенциальных возможностях деривации от образцов-эталонов³ <...> видится источник возникновения всё новых и новых русских окказиональных цветоименований типа *болотный, защитный, древесинный* <...> и др.“ (Моисеенко, 2007, с. 293). При этом *брусничный* – цвета спелых ягод брусники, оранжево-красный – правомерно классифицируется исследователями как старинное русское

¹ Автор статьи выражает глубочайшую признательность принявшим участие в НАЭ студентам, а также руководству факультетов и преподавательскому составу.

² Согласно исследованиям А. П. Василевича, семантика термина цвета *брусничный* претерпела изменения: „брусничный воспринимается сейчас как оттенок красного (цвет ягоды), а в XVII в. понимался как ‘зеленый’ (цвет листа брусники)“ (Василевич, 2005, с. 166).

³ В связи с идеей об образцах-эталонах представляется важным привести мысль Н. В. Серова: „вряд ли кто сможет отрицать тот факт, что концепт ‘красное’ является обобщением таких вещей как кровь, солнце, *брусника* (выделено нами. – Т. С.), пожар, страсть, война, стыд, революция <...>“ (Серов, 2009, с. 149).

цветонаименование (Моисеенко, 2007, с. 297). Данное положение зиждется на фундаментальных трудах Н. Б. Бахилиной, находит подтверждение в работах С. В. Кезиной, М. Н. Перфиловой. Так, Н. Б. Бахилина, исследуя лексику цветообозначений в древнерусском литературном языке, отмечает, что в XVII в. появляются памятники (Хождение на Восток Ф. Котова (1627 г.), Житие и хождение Василия Гагары (1634 г.), Путевые дневники П. А. Толстого (1697 – 1698 гг.)), для которых „характерно свободное отношение к цветообозначениям, т.е. их употребляют часто и охотно для обозначения цвета реальных предметов окружающего мира“ (Бахилина, 1975, с. 65). Среди них – *брусничный*, предположительно бытовавшее, по мнению Н. Б. Бахилиной, в разговорной речи в XVII в. и сохранившееся в специальной сфере. См. приводимые исследователем контексты: Лундыш брусничной цвет (1607 г.). Камка брушничной цвет (1616 г.). Атлас брусничной цвѣтъ (1678 г.). Байбереков брусничного 37 аршинъ (1686 г.). Камка бруснична (1681 г.) (Бахилина, 1975, с. 95). С. В. Кезина и М. Н. Перфилова, изучая динамику сочетаемости слов со значением цвета в русском языке, фиксируют, обращаясь к „Словарю русского языка XI–XVII вв.“, на основе материала, относящегося к XV–XVII вв., одновалентное цветообозначение *светлобрусничный* (Кезина, Перфилова, 2017, с. 72), двухвалентное – *брусничный* (Кезина, Перфилова, 2017, с. 74). *Брусничный* функционирует в современной системе цветообозначения. Согласно экспериментальным исследованиям Р. М. Фрумкиной, разработавшей структуру, „отражающую представление носителей языка о смысловых связях между словами – именами цвета“ (Фрумкина, 1984, с. 46), имя цвета *брусничный* входит в состав блока „красные“⁴: *свекольный*, *вишневый*, *бордовый*, *малиновый*, *клюквенный*, *брусничный*, *багровый*, *багряный*, *пурпурный*, *пунцовый*, *гранатовый*, *рубиновый*, *красный*, *крававый*, *алый*, *кумачовый*, *томатный*, *рдяный*, *карминный*, *коралловый*, *розовый* (Фрумкина, 1984, с. 54). В. Г. Кульпина, решая задачу описания концептосферы цветообозначений русского и польского языков, группирует цветообозначения в крупные хроматические категории – концепты, „ключевые комплексы русской и польской цветовой картины“, включая БРУСНИЧНЫЙ на основании лексикографических данных в состав КОНЦЕПТА КРАСНОГО ЦВЕТА. Ср.: **КРАСНЫЙ**. **АЛЫЙ**. **БАГРОВЫЙ**. **БАГРЯНЫЙ**. **БРУСНИЧНЫЙ**. **СВЕТЛОБРУСНИЧНЫЙ**. **БРУСВЯННЫЙ** (*арх.*). **КАРМАЗИННЫЙ** (*уст.*). **КАРМИННЫЙ** / **КАРМИНОВЫЙ** (*устар.*). **КИРПИЧНЫЙ**. **КОРАЛЛОВЫЙ**. **МАЛИНОВЫЙ**. **ОБРОЩЕННЫЙ** (*уст.*). **ПОРФИРА** (*уст.*). **ПУНЦОВЫЙ** (*книжн.*). **ПУРПУР** / **ПУРПУРНЫЙ** / **ПУРПУРОВЫЙ** (*книжн.*). **РДЯНЫЙ** (*поэт.*). **РУМЯНЫЙ** / **РУМЯН**. **РЯБИНОВЫЙ**. **ПРАПРУД** / **ПРАПРУДА** (*уст.*). Группа древних терминов красного цвета: **ЧЕРВЛЁНЫЙ** (*уст.*). **ЧЕРМНЫЙ** (*уст.*). **ЧЕРВЧАТЫЙ** (*уст.*). **ЧЕРВОННЫЙ** (*устар.*). **ВИШНЕВЫЙ**. **МАСАКА** (*уст.*). **БОРДОВЫЙ** / **БОРДО** / **БАРДОВЫЙ** (*уст.*) / **БУРДОВЫЙ** (*уст.*). **СВЕКОЛЬНЫЙ**. **РОЗОВЫЙ**. **ЛИЛОВЫЙ** (*книжн.*). **ФИОЛЕТОВЫЙ**. **ФИАЛКОВЫЙ** (*редк.*). **СИРЕНЕВЫЙ**. **ТАУСИННЫЙ**. **РЫЖИЙ**. **ГНЕДОЙ**. **ИГРЕНЕВЫЙ** / **ИГРЕНИЙ** (*устар.*). **ЛИСИЙ** (*диал.*). **РЁДРЫЙ** (*уст.*). **РУДЫЙ** / **РУДОЙ** (*уст.*). **САВРАСЫЙ** / **СОВРАСЫЙ** (*устар.*). **ТЕРРАКОТОВЫЙ** (Кульпина, 2019, с. 67–86).

Цвет брусники. Направленный ассоциативный эксперимент. Созданное на материале лексикографических источников колористическое представление о бруснике в некоторой степени расширят результаты проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента, призванного выявить актуальное представление о цвете растения. В качестве реакции на стимул „брусника“ респондентам было предложено привести одну (или несколько, если первое затруднительно) „цветовую“ реакцию.

Результаты НАЭ. Статистика по запросу: всего реакций на стимул „брусника“: 300, различных реакций: 30, одиночных реакций: 19, отказов: 32. Выявленный спектр реакций представлен следующими лексемами (в порядке убывания, с указанием гендерной соотношенности): *красный* 225 (м, ж); *бордовый* 11 (м, ж); *синий* 10 (м, ж); *алый* 9 (м, ж); *фиолетовый* 8 (м, ж); *черный* 6 (м, ж); *темно-синий* 4 (м, ж); *багровый* (ж), *голубой* (м, ж), *розовый* (м), *темно-красный* 2 (м); *белый* (м), *брусничный* (м), *бурый* (м), *вишнево-фиолетовый* (м), *карминный* (м), *красно-алый* (ж), *оттенок красного* (м), *розово-красный* (ж), *светло-*

⁴ Ср. в НКРЯ: Красный цвет делился на мясной, румяный, брусничный, жаркий, маков цвет, багрянец (Шергин, 1930–1960).

красный (м), *серо-буро-малиновый* (м), *темно-алый* (ж), *темно-фиолетовый* (м), *темный* (м), *тепло-бордовый* (ж), *ярко-красный* 1 (ж). Таким образом, цветовым стереотипом восприятия брусники, согласно результатам НАЭ, является *красный* на общем фоне других репрезентантов КОНЦЕПТА КРАСНОГО ЦВЕТА (*алый, багровый, бордовый, брусничный, карминный, розовый, фиолетовый*). Помимо КОНЦЕПТА КРАСНОГО ЦВЕТА, в описании брусники значим КОНЦЕПТ СИНЕГО (*голубой, синий, темно-синий*), спорадически – ЧЕРНОГО (*черный*), окказионально – БЕЛОГО (*белый*). НАЭ выявил активность в описании брусники цветовых композитов, репрезентирующих модификации цвета (насыщенность и концентрированность цвета, тон спектра, сочетание цветов): 1) *темно-синий, темно-красный, темно-алый, темно-фиолетовый – светло-красный*; 2) *ярко-красный*; 3) *тепло-бордовый*; 4) *вишнево-фиолетовый, красно-алый, розово-красный*; 5) *серо-буро-малиновый*. Значимым в описании растения оказалось использование некоторых последовательностей цвета (преимущественно у респондентов женского пола): 1) *бордовый, алый* (ж); *красный, алый* (ж); *красный, бордовый* (ж); 2) *темно-красный, белый* (м); а также лексемы со значением ‘по цвету близкий к черному, очень густой по окраске’. Актуальность колористических дескрипций брусники в русской речевой культуре, в массовом языковом сознании; функциональный потенциал и широта сферы денотации термина цвета *брусничный* подтверждаются результатами исследования уникальной языковой личности мастеров художественного слова, реконструкцией цветовой концептосферы произведений выдающихся писателей прошлого и современности.

Цвет брусники в авторской цветовой концептосфере. Цветовая концептосфера прозы К. Г. Паустовского, писателя, многократно номинированного на Нобелевскую премию, находится в поле нашего внимания на протяжении длительного времени (первые работы датируются 2002 г.). Особый исследовательский интерес представляет описание цветовой концептосферы флористического пространства его произведений в силу значимости пространства природы в картине мира писателя. На материале анализа произведений, включенных в Собрание сочинений К. Г. Паустовского, можно заключить, что колористический спектр, используемый писателем в дескрипциях брусники, включает термины цвета *красный* 2, *розовый* 1, а также лексемы *румяный* ‘алый, густо-розовый’ 1, (имплиц.) *спелый* 3, (в сравн.) *кровь* 1. Таким образом, писатель, актуализируя изобразительно-выразительный потенциал языка, выходит за рамки цветового стереотипа восприятия растения, зафиксированного лексикографией. Цветолексемы обнаруживают сочетаемость преимущественно с фитонимом *брусника*, реже – с партитивами *ягода, листочек*. В контекстах: *Она <фуражка> была полна спелой брусники* (Паустовский, 1982а, с. 87); *Со дна этого маленького колодца была тихая струя и вертела палье листья и румяные ягоды брусники* (Паустовский, 1984, с. 234); *Зачерпните в жестяную кружку воды из такого родника, сдуйте к краю красноватые листочки брусники и напейтесь воды, дающей молодость, свежесть, вечное очарование родной стороны* (Паустовский, 1982с, с. 472).

Специфика функционирования колористических дескрипций брусники проявляется в 1) актуализации изобразительно-выразительных средств языка (соматический код): *Начались заросли брусники. Одна щечка у каждой ягоды – та, что повернута к югу, – была совсем красная, а другая только начинала розоветь* (Паустовский, 1983а, с. 401); *Офицер отступил, споткнулся, упал, брусника рассыпалась по траве, и почему-то рядом с офицером очутилась Мария Трофимовна. Она подняла его голову. Из груди офицера крупными, как спелая брусника, каплями стекала на песок кровь* (Паустовский, 1982а, с. 88); 2) расширении оттеночной палитры (*начинала розоветь, красноватый, совсем красная*); 3) создании пространственной координаты произведения: *И лес вокруг был северный – миштый, весь в спелой бруснике и старых грибах* (Паустовский, 1983b, с. 139).

Колористические дескрипции брусники оказываются в поле исследовательского внимания лингвистов, реконструирующих языковую картину мира Г. Аксенова, Андрея Белого, Н. В. Гоголя, А. А. Тарковского. Так, А. В. Давыдова, раскрывая авторские особенности репрезентации образа Севера в повести Г. Аксенова „Тайбола“, уделяет внимание традиционному для писателя описанию богатства северного леса, в котором значима и колористическая дескрипция брусники. См.: „Ранней осенью, когда в лесу на болотах гриб на грибе растет – хоть косой коси, а по сопочкам и выгаркам, словно яркий ковер, рдеют россыпи

спелой брусники (выделено нами. – Т. С.), отправился Алексей на зимовье, прихватив с собой Тайболу“ (Давыдова, 2016, с. 24).

По наблюдениям О. С. Боковели, исследующей категорию времени в философской лирике А. Тарковского, „лирический герой воспринимает сложность своего пространства-времени только через свои ощущения на уровне зрения, *что выражено посредством цвета* (выделено нами. – Т. С.), объема, формы предметов в окружающей действительности“ (Боковели, 2008, с. 194). В качестве иллюстрации автор приводит контекст, содержащий цветовую дескрипцию брусники: *Иголки черные, и сосен чешуя, // И брызжет из-под ног багровая брусника, // И тело хочет жить, и разве это – я?* (Боковели, 2008, с. 194).

А. Я. Шулова, отмечая особую роль флористических образов в прозе Андрея Белого: „стремясь к максимальной изобразительности, ассоциативности, зрительной конкретности, писатель заимствует краски из мира растений“ (Шулова, 2008, с. 29), констатирует особое внимание автора к термину цвета *брусничный* и его оттенкам (*темно-брусничный, нежно-брусничный, ярко-брусничный*), которые становятся цветовой приметой персонажа (см. описания Василисы Сергеевны). Л. Н. Моисеенко, исследуя наименования цвета в произведениях Н. В. Гоголя, владевшего профессиональными навыками живописца, и отмечая тот факт, что писатель „ввел в русский художественный оборот немало число цветowych неологизмов“ (Моисеенко, 2008, с. 241), адекватный перевод которых может вызывать затруднения, в ряду авторских цветowych новообразований упоминает сложную номинацию с цвето-световым значением *фрак брусничного цвета с искрой на зеленых полях* и задается вопросом: „о каком все-таки цвете идет <...> речь в выражениях подобного типа“, подводя читателя к мысли о том, что в отношении некоторых авторских цветоименований „наша внутренняя абстрагированная цветовая дефиниция весьма затруднительна“ (Моисеенко, 2008, с. 243). В свою очередь В. К. Васильев анализирует фрагменты жизнеописания П. И. Чичикова, проводя идею о том, что персонаж „предстает в качестве противника Бога: „нечистого“, „черта, а не человека“, Антихриста“ (Васильев, 2010, с. 26). Одним из доказательств, приводимых В. К. Васильевым, служит вестияльный код произведения (*фрак брусничного цвета с искрой*): „поэма описывает пространство ада, путеводитель по его кругам универсально „средний“ и „пошлый“, неопределенный герой появляется перед читателями в облачении, очень определенном, – одежде, сотканной из искр, пламени и дыма!.. Костюм Чичикова больше чем костюм, это выражение его сущности, единоприродной пространству ада!“ (Васильев, 2010, с. 29). Таким образом, колористические описания брусники, а также термин цвета *брусничный* проявляют в художественном дискурсе широкую функциональность: конструируют пространство произведения, его время, создавая цветовой хронотоп; несут отпечаток индивидуально-авторской перцепции; эксплицируют многозначность и амбивалентность толкования; становятся основой для продуцирования терминов цвета. Изложенное выше обуславливает наше обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), материал основного и поэтического подкорпусов которого послужит расширению качественного состава актуализируемых в дескрипциях брусники терминов цвета, созданию представления о колористическом стереотипе ее восприятия, о спектре уникальных цветowych характеристик.

Цвет брусники. Национальный корпус русского языка. Согласно данным Национального корпуса русского языка, основной корпус (НКРЯ), цветовой спектр, используемый в дескрипциях брусники, представлен терминами цвета **красный** 45 (*красный, красноватый, покрасневший, зелено-красный*); **зеленый** 16 (*зеленый, вечнозеленый, ярко-зеленый, темно-зеленый, зелено-красный*); **красный** 12 (*красный, кровавый, кроваво-красный*); **алый** 7 (*алый, бело-алый*); **белый** 5 (*белый, беленький, бело-алый*), **розовый** 5 (*розовый, розоватый, бело-розовый*); **бордовый** 2 (*бордовый, бордовитесь*); **багровый, серебряный (серебро), сизый, черный** 1; а также лексемами с семей ‘свет’ 8 (*блестящий, воцаной, глянцевиный, лакированный, пламенный*), актуализирующими значение ‘не / спелый’ 7 (*в самой поре, переспелый, созреть, спелый / недозрелый, недоспелый, несозрелый*), ‘быть в цвету’ 4 (*доцвети, зацвети, цвети, цветущий*), спорадически – лексемами *прозрачный, румяный* 1. Выявленные лексемы коррелируют преимущественно с фитонимом *брусника* (*румяная брусничка; краснеет поспевающая брусника*), реже – *брусничник* (*ярко-зеленый брусничник; радостный красный брусничник*), а также другими лексемами, репрезентирующими флористический код (в алфавитном порядке): *ветка (пробивающихся через это зеленых веточек брусники), кисть*

(кисти брусники атели), кочка (с краснеющими кочками брусники), куст (среди лакированных брусничных кустов), лист (листки темно-зеленые), поляна (среди зелено-красных брусничных полян), трава (покрытую темно-зеленой брусничной травой), цветок (цветки ее – необыкновенно нежного розоватого цвета), ягода (бордовилась крупными ягодами брусники; кроваво-красная ягода); астрономический код (обр.): созвездие (прозрачные созвездия брусники), звезда (мхов, пронзенных алыми звездами брусники); другие пространства (обр.): брызги (в алых брызгах брусники), обр. пуговка (по румяным пуговкам брусники). В контекстах: *Нетронутые густые леса, краснеющие брусничные поляны, невиданной красоты изумрудные мхи* (Т. Алексеева, 1989); *меж ним <багульником> там и сям осклизло стекает на белый мох запоздалая морошка и только-только с одного боку закраснелая брусника и клюква* (Астафьев, 2001); *Домна Панферовна называет ее <Анюту> за эти щечки – «брусничника ты моя беленькая-свеженькая»* (Шмелев, 1930 – 1931)). По сравнению с данными основного подкорпуса, колористический диапазон, актуализируемый в дескрипциях брусники, согласно данным поэтического, расширяется терминами цвета *изумрудный, коралловый, кумачовый, пурпурный, рубиновый* и может быть представлен следующим образом: *алый 2 (алость, алый), красный 2 (краснеть, красный), кровь 2 (кравиваться, кровь); багровый, изумрудный, коралловый, кумачовый, пурпурный (пурпур), рубиновый 1 (рубин); а также спелый 1, лексема с семей 'свет' 1 (лакированный); в значении термина цвета 5 (бруснично-бурый, брусничный, киноварно-брусничный)*. Выявленный корпус (№ 2) цветолексем обнаруживает сочетаемость с фитонимом брусника (*багровая брусника, кравивается среди полей брусника, рубины брусники*) и другими лексемами с природной семантикой (в алфавитном порядке): *кисть (пурпур брусничных кистей), куст (Кумачовые кусточки Стелются брусники), лист (алый лист, на бруснике изумрудные листочки), а также лексемами бусина (коралловые бусинки брусники) и цвет (красный цвет брусники)*. В контекстах: *Мох не приподнят, не взрыт Грудой кудрявых груздей; Около пня не висит Пурпур брусничных кистей* (Майков, 1856); *Коралловые бусинки брусники В ладони собираются моей* (Алексеева, 1954). Область пересечения корпусов, эксплицирующая колористический стандарт восприятия брусники, включает термины цвета (в алфавитном порядке) *алый, багровый, красный, кровавый*, что свидетельствует о превалировании репрезентантов КОНЦЕПТА КРАСНОГО ЦВЕТА в визуализации растения. Уникальными, единичными являются термины цвета, принадлежащие преимущественно поэтическому дискурсу (*изумрудный, коралловый, кумачовый, пурпурный, рубиновый*), реже – выявленные в основном корпусе (*серебряный, сизый, черный*). В контекстах: *Ты увидишь чудо из чудес: На бруснике изумрудные листочки!* (Саша Черный, 1921); *Там зеленые узоры Голубики синесладкой И черники влажно-сочной, Кумачовые кусточки Стелются брусники крупной* (Жаков, 1916); *Собираешь рубины брусники* (Гуро, 1913). Функционирование термина цвета *красный*, доминанты цветowych дескрипций брусники, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), специфично рядом свойств, среди которых: создание смысловых параллелей; конструирование цветового хронотопа; трансляция, помимо колористической информации, эмоционально-оценочной и др. Так, *красный* активен в создании ряда смысловых параллелей, актуализирующих изобразительно-выразительный потенциал языка, на уровне: 1) флористического кода: *обходили разные сыроежки – красные, как ягода брусника, желтые, белые, голубоватые* (Солоухин, 1956–1957); *рябина же взялась красной, под цвет брусники* (Жаков, 1961); 2) соматического: *Поглядывала лисовато, красненьким брусничным глазком* (Трифонов, 1973); *Ребята покраснели, как брусника, и старший выговорил* (Шергин, 1930–1960); *Красной брусничкой застыл На теле пули укол* (Гаген-Торн, 1936 – 1979); 3) комбинации соматического и кулинарного: *<батюшка> потом вдруг покорился и, отплеываясь красным, будто брусничных пирогов наелся, схватил багор и стал тыкать в росписи* (Снегирев, 2015).

Красный значим в конструировании цветового хронотопа текста: его временной (фазы развития растения): *Краснеет поспевающая брусника. А рядом с ягодками белые колокольчики: брусника нередко зацветает во второй раз* (Плавильщиков, 1956) и пространственной составляющей: *из этого обильного края рыжих муравьев и красной брусники* (Жаков, 1956). Последнее верно и для других терминов цвета: *Брусника тогда цвела крохотными душистыми колокольчиками, а теперь розовеют брусничные ягоды* (Солоухин, 1956–1957); *Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет* (Арсеньев, 1923). Красный цвет брусники, с одной стороны, представляется

дифференциальным признаком ягоды⁵: *Это брусника, – сказала женщина с собакой. – Нет, для брусники она слишком красная, клюква, наверно* (Лунгин, 1989–1996), с другой – недостаточным для ее целостного описания. Ср. с данными направленного ассоциативного эксперимента (цветовые последовательности), с данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *солнце плывет по сопкам, а на них краснеет коралловыми рифами зрелая брусника* (Гинзбург, 1975–1977); *среди толстых стволов, среди зелено-красных брусничных полей* (Скалон, 1964). Помимо собственно цветового значения, *красный* транслирует эмоционально-оценочную информацию: *берега, с которых, искрясь мокром, свисает радостный красный брусничник* (Астафьев, 2001); *стояла над красным теплом брусники и ласково улыбалась перезвону зяблика* (Онегов, 1968). Функционирование других значимых в дескрипциях брусники терминов цвета эксплицирует 1) тенденцию к ее полицветовому описанию: *брусника, кроваво-красная ягода, листики темно-зеленые, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито* (Пришвин, 1945); *покрытый сплошным бело-розовым ковром цветущей брусники* (Логинов, 2007); 2) обусловленность окраски влиянием внешних факторов: *брусника, тронутая морозом, перезревшая, сизая* (Шаламов, 1954–1961); 3) значимость световой составляющей в визуализации растения: *редкая на красной подкладке зелень брусники, облитая осенней росой блестит литым серебром* (Пришвин, 1928); *за пригорком, среди лакированных брусничных кустов* (Анненков, 1934); 4) потенциал словообразовательной системы языка: *земля бордовилась крупными ягодами брусники* (Липатов, 1984); 5) устойчивую соотнесенность с соматическим кодом, которая, в частности, фиксируется и в „Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.“: „Части тела человека“. ЛИЦО, ЛИЦА, ЛИК, ЛИЧИКО, ЛИЧИКИ, ФИЗИОНОМИЯ, РОЖА, МОРДА. Брусника. Ср. с гл. покраснеть: *Ребята покраснели, как брусника, и старший выговорил <...>* (Шергин, 1930–1960) (Кожевникова, 2015, с. 134). Брусника. Ср.: *И жарче самовара – в китайском шелке дышат груди. Рот как брусника на куличе... Смеются* (Вс. Иванов, 1923) (Кожевникова, 2015, с. 149). КРОВЬ, КАПЛИ КРОВИ. Брусника, ягодки брусники. Ср. с прил. крупные: *Капли крови, крупные, как брусника, брызгали в воздух, напоенный вечерними прохладами, и запахом листвы, и ароматами духов* (Сологуб, 1905). Мтф.: *Меня полоснуло чем-то огненным и острым, я заметил, как по снегу просыпались красные ягодки брусники, и услышал, как пацан, стоящий неподалеку, заорал во всю глотку: – Уби-ил-и-и! „Кого-то убили“, – подумал я и свалился в снег* (Лиханов, 1983) (Кожевникова, 2015, с. 212).

Эмпирический материал нашего исследования позволяет, подтвердив полученные предшественниками результаты, несколько расширить списочный состав соматизмов: КРОВЬ (доминанта): *на окропленную кровавой брусникой мианину выбежал лось* (Есенин, 1915); *брусника, кроваво-красная ягода* (Пришвин, 1945); *яркие кисточки брусники, словно капельки свежей крови* (Солоухин, 1956 – 1957); *загустела брусничным киселем кровь*⁶ *раненых людей* (Астафьев, 1967–1989); *выгрызая птичьи заливки, разметывая по снегу брусничник крови* (Личутин, 1973); *Как след подраненного лета, брусника спелая во мху* (Городницкий, 2001); ГУБА: *губы бруснично заалели* (Астафьев, 1995); РОДИНКА: *четыре родинки на шее походили на переспелую и недоспелую бруснику* (Славникова, 1995–1999); РОТ: *Рот как брусника на куличе...* (Вс. Иванов, 1923); БРУСНИЧНЫЙ – ГУБА: *избывая брусничного цвета губу* (Андрей Белый, 1926); НОС: *и носы стали ярко-брусничного цвета* (Андрей Белый, 1926); РОТ: *подкрашенный ротик брусничного цвета* (Андрей Белый, 1926); СОСОК: *только глаза да*

⁵ Ср. с выводами В. Г. Кульпиной относительно лексем *черника* и *брусника* в польском языке: „в русском языке сема цвета является в существительном *черника* определяющей. В польском языке сема цвета (тоже черного) содержится в несогласованном определении к слову *borówka* (внутренняя форма этого слова значит ‘растущая в бору’. *Borówka czarnica* ‘черника’ и *borówka brusznica* ‘брусника’ – это польские как бы две разновидности одного растения, потому что обе они *borówka* – ‘растущие в бору’. Однако семей цвета обладает из них только черника“ (Кульпина, 2001, с. 177).

⁶ Ср. с наблюдениями Е. М. Марковой и Б. М. Эйсави, которые, описывая внешность человека сквозь призму кулинарной метафоры, проводят параллели между русским и арабским языками, отмечая в связи с функционированием дескрипции брусники, что „ярко-красный цвет крови напоминает русским гранатовый сок или *брусничный кисель* (выделено нами. – Т. С.); а арабам – ‘клубничный сок’, ‘арбузный сок“ (Маркова, Эйсави, 2018, с. 200).

брусничные соски груди торчали над поверхностью воды (Евтушенко, 1982); *ШЕЯ: ее щеки и шея наливного, брусничного цвета постоянно блестели* (Трифонов, 1973); *ЩЕКА: в щеки ему снова брызнул брусничный цвет* (Проханов, 2001).

Семантико-функциональный потенциал термина цвета *брусничный* обуславливает его широкое⁷ использование в художественной коммуникации. Е. А. Юрина и А. В. Боровкова, описывая способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, очерчивают сферу денотации цветообозначения *брусничный* ‘яркий, гляцевый красно-розовый с выраженным лиловым оттенком, подобный цвету ягод брусники’ как: преимущественно о коже, губах, крови, небосклоне, одежде. (Юрина, Боровкова, 2014, с. 112). Материал нашего исследования, подтверждая факт функционирования термина цвета *брусничный* в соматическом, вестияльном, воздушном пространстве текста, несколько расширяет данный список и фиксирует случаи пересечения пространственных плоскостей. Так, помимо соматического пространства (примеры выше), сфера денотации термина цвета *брусничный* закономерно распространяется на **вестияльное**⁸ **пространство** (список вестонимов широк, включает как номинации мужских предметов одежды, так и женских: бальное платье, блузка, воротник, кафтан, костюм, пара, перчатки, пиджак, редингот, танкетки, фрак, цилиндр, шелк и др.): *в драгунском сюртуке с брусничным воротником* (Панаев, 1850–1860); *даже вельможа в брусничном кафтане* (Самойлов, 1982); *получалась ряса с искрой, как брусничный костюм гоголевского героя Павла Ивановича Чичикова* (Архангельский, 2000); *вместо брусничной пары – вылинявший темный фрак* (Смелянский, 1990–2000); *перчатки „немецкого дела“*, *вязанные из шелка брусничного цвета* (Жарнович, 1879); *пианист в брусничном пиджаке* (Каралис, 2001); *у жены директора гимназии бальное платье брусничного цвета* (Герцен, 1841–1846); *в рединготе брусничного цвета и в брусничного цвета цилиндре* (Ходасевич, 1936); *танкетки – брусничного цвета, как бы замшевые* (Эппель, 1990–2000); а также *фрак брусничного цвета с искрой* (Гоголь, 1842). В меньше мере – на **воздушное пространство**: *правее, чуть смугло снизу, бруснично, выше чуть желтовато, еще выше зеленовато (и чем выше, тем зеленее, но все оч. слабо)* (Бунин, 1940–1953). Особый интерес представляют обусловленные изобразительно-выразительными целями случаи пересечения пространственных плоскостей текста в точке цвета брусники (например, соматический и вестияльный план): *широкое лицо хозяйки пылало, как шелковая, брусничного цвета блузка, в которую она нарядилась* (Муравьева, 1997–1998).

Водное пространство, по наблюдениям В. Г. Кульпиной, может наделяться цветовой характеристикой *брусничный*: „в Словаре эпитетов имеется <...> косвенное указание на цвет болот – через цвет ярких ягод, мхов или трав, камышей или торфяников: брусничное, клюквенное, моховое, мшистое, травяное, камышистое, торфяное (Горбачевич, Хабло, 1979, с. 30)“ *цит. по В. Г. Кульпиной (Кульпина, 2001, с. 305)*, что подтверждают и другие источники: среди колоративных и флористических реакций на стимул „болото“ в „Русском ассоциативном словаре“: *зеленое 22, клюква 4, черное 4, зелень 2, беспросветная серость 1, голубое 1, морошка 1, ржавая вода 1, серой обыденной жизни 1, серость 1, что-то зеленое 1* (РАС, 2002, с. 62). Более того, термин цвета *брусничный* значим в визуализации **пространства животного мира**: *горлинки совсем под цвет дороги, только спинки с брусничным отливом* (Бунин, 1911); **пространства дома и города**: *В боковом, брусничного цвета, флигеле дверь была раскрыта* (Бабель, 1920–1928); актуализируется в пересечении различных пространственных плоскостей: *обит <сундучок> был брусничного цвета слюдой* (Добычин, 1936); *на фарфо-оовой чашечке – розы бледно-брусничного цвета* (Андрей Белый, 1926); *дверцы железной печки-бочки были раскрыты, каменный уголь рдел, как брусничное варенье в консервной банке* (Шаламов, 1954–1961). Помимо пространственной плоскости, *брусничный* актуален в визуализации **темпоральной координаты** (закат, заря, рассвет): *а в окошке – стояла брусничного цвета заря* (Андрей Белый, 1926); *при взгляде на полное живое течение, пронизанное зоревым брусничным пером* (Личутин, 1977); *над далекими лесами протянулась брусничная полоса рассвета* (Коваль, 1975); *И на брусничный ветреный закат Тоскуют долго древние урманы* (Васильев, 1927).

⁷ См.: термин цвета *брусничный*: НКРЯ, основной – 66; НКРЯ, поэтический – 6; НАЭ – 1.

⁸ Ср. с иллюстративной зоной статьи *Брусничный* в „Большом толковом словаре русского языка“ (БТС, 2000).

Важно отметить, что корреляция с лексемой *закат*, с одной стороны, фиксируется „Словарем эпитетов“: *закат брусничный* (Горбацевич, 2002, с. 71), с другой – не находит подтверждения в „Русском ассоциативном словаре“, где „цветовыми“ реакциями на стимул „закат“ являются *красный 7, алый 2, огненный 2, красное солнце на фоне реки 1, кровавый 1, лиловый 1, оранжевый 1, розово-оранжевый 1, розовый 1, черная земля 1* (РАС, 2002, с. 207), что свидетельствует о принадлежности данной дескрипции скорее к индивидуально-авторскому, нежели массовому цветовому сознанию.

Цвет брусники. Креативный потенциал. Культурно опосредованные, цветовые дескрипции брусники ложатся в основу создания новых терминов цвета, значимых для передачи новых цветовых смыслов и впечатлений, эксплицирующих неистощимое богатство цветовой концептосферы русского языка. Так, в „Словаре цвета“ В. К. Харченко фиксирует термины цвета *брусника* ‘цвет брусники’, ‘светло-красный с коричневатым’; *брусничный* ‘темновато-красный с легким оттенком ржавчины’, ‘цвета брусники’, а также *бруснично-пунцовый* ‘румяно-красный’, ‘цвета брусники’, *бруснично-белый* ‘цвета брусники’, ‘белый с красным’ (Харченко, 2009, с. 75). Национальный корпус русского языка (НКРЯ) отражает многообразие цветовых композитов и модификации модели их образования: *бруснично-розовый – киноварно-брусничный – нежно-брусничный – темно-брусничный – светло-бруснично-красный*. В контекстах: *распотрошенного и с липкой точкой бруснично-бурой сукровицы* (Нарбут, 1914); *я не запомнил бы так твердо вон этих бруснично-красных губ* (Набоков, 1921); *запас белых промокашек с зигзагообразным краем и поменьше – бруснично-розовых с занозистыми волокнами из прессованной древесины* (Орлова, 2001); *от нежно-брусничного рта пахнет дурно* (Андрей Белый, 1926); *изящный, как юноша, в своем темно-брусничном костюме* (Дудинцев, 1987); *Киноварно-брусничные дни, В краснолесье рысья охота* (Клюев, 1918); *Обретя Латинского Любовника – светло-бруснично-красного, – вы почувствуете необходимость и в Графе Толстом* (Гончаренко, 1997).

В Каталоге названий цвета (Василевич, 2005) его авторы фиксируют следующие термины цвета: *давленная брусника* (цвет~) ‘темно-красный’: впервые использовано А. И. Герценым⁹ (Василевич, 2005, с. 174); *брусничный дождь* ‘прозрачный красновато-розовый’ (Василевич, с. 149); *брусничный лист* (Василевич, 2005, с. 134); а также *брусничный; прелая брусника; брусничное варенье; брусничный кисель; брусничный морс; брусничный чай; брусничный металл* (Василевич, 2005, с. 203).

Сун Чуньчунь и О. Н. Чарыкова, исследуя функциональность терминов цвета на материале каталогов косметических товаров, выявляют ряд „образных“ терминов цвета, построенных на основе фитонима *брусника*: *морозная брусника, брусничный крем* (Сун Чуньчунь, Чарыкова, 2016, с. 31). Я. А. Астахова, ставя целью диссертационного исследования создание „методики анализа цветообозначений в обыденном, художественном и рекламном вариантах русской языковой картины мира“ (Астахова, 2014, с. 7), обращается, в частности, к рекламе косметической продукции и фиксирует функционирование значимых для нашего исследования цветоименований, в основе которых – прототипический объект „ягода“: *нежная брусника, страстная брусника* (Астахова, 2014, с. 160), а также (прототипический объект „напиток“): *брусничный сироп* (Астахова, 2014, с. 164), („кондитерское изделие“): *брусничное мороженое* (Астахова, 2014, с. 166), („фантазийные образы“): *брусничная феерия* (Астахова, 2014, с. 169). Я. А. Астахова приходит к заключению о том, что „рекламные цветообозначения – особая группа слов, создаваемых искусственно и призванных не называть цвет, а привлекать к нему внимание потребителя“ (Астахова, 2014, с. 173), чему способствует сам механизм создания подобных цветовых номинаций: в их основе лежит прототипический объект, призванный вызывать у потребителя положительные эмоции.

Таким образом, современный рекламный дискурс, аккумулируя изобразительно-выразительный потенциал текстов мастеров художественного слова, учитывая „языковой вкус эпохи“, актуализирует в процессе нейминга / брендинга потенции колористических дескрипций брусники, комбинируя цветовые впечатления со вкусовыми, тактильными, что, увеличивая эмоциональный эффект воздействия на потенциального потребителя, побуждает его совершить

⁹ См. в НКРЯ: *как теперь вижу красное платье, цвету давленной брусники, на жене директора гимназии* (Герцен, 1840).

покупку. По нашим наблюдениям, в создании номинаций, основанных на дескрипциях брусники, наибольшую активность проявляет косметическая продукция (декоративная косметика). Вместе с тем отмечается активность в продуцировании номинаций, принадлежащих области текстильной промышленности, кулинарии, канцелярии, галантереи, растениеводства, производства мебели и строительных материалов.

ДЕКОРАТИВНАЯ КОСМЕТИКА: 1) кулинария: помада-уход *Wild Rose*, тон № 13 „**Брусничный морс**“¹⁰ (Lumene), ультракремовая губная помада *5 в 1 Colour Stylist Ultimate Брусничный Джем* (The ONE), губная помада *GRACE* с кисточкой **Брусничное мороженое** (Фаберлик), помада *Velvet Matt 323 Брусничный десерт* (Витэкс), помада *MateVelvet L05 40 Брусничная сладость* (PARISA); а также помада № 301 стойкая „*Endless Kiss*“ **Брусника со сливками** (Still), губная помада *Deep Shine* тон 030 **Брусника со льдом** (EVA MOSAIC, цвет розовый¹¹), губная помада *Zephyrous Сахарная брусника*, с блестками, тон 908 (FIRIN, цвет брусничный, розовый¹²); 2) природа: перламутровая помада „*Брусничная роса*“ № 116 (FFleur), губная помада *Ruta Love in Color* глянцевая 54 **Брусничный перламутр** (Ruta Color); а также лак для ногтей с блестками и эффектом фольги **Морозная Брусника** (Masura, цвет красный), цветной гель-лак № 025 **Таежная брусника** (Marinette, цвет фиалковый); опосредованно – степень проявления цветового признака: HD лак для ногтей **Дикая Брусника** (Kiss, цвет малиновый); 3) текстиль: стойкая помада **Брусничный кашемир** (Temptu Pro); 4) декоративная косметика: гель-лак № 156 **Брусничная помада** (SEREBRO, цвет розовый); 5) искусство: губная помада „3D поцелуй“, тон „**Брусничный этюд**“ (Faberlic); 6) абстрактные понятия: губная помада „**Брусничная мечта**“ тон 305 (Витэкс). Важна способность новообразований передавать насыщенность цвета: помада *Color Sensational* тон 141 **Сочная брусника** (Maybelline New York), губная помада нежная тон 036 **Спелая брусника** (FIRIN); а также гель-лак *X-Gel* № 030 **Плотный брусничный** (Ingarden, цвет розовые).

КУЛИНАРИЯ: краситель гелевый *Kreda-NM Брусника* („Тортдекор“); со значением насыщенности цвета: краситель **Спелая брусника** (магазин „Симфония праздника“).

ТЕКСТИЛЬ: плед вязаный шерстяной **Светлая брусника** (MeLSoNN, цвет розовый), слонимская пряжа **Брусника**, цвет 028 (Miya.by).

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: блокнот *Мидори* (цвет брусника) (Sunbrilo).

ГАЛАНТЕРЕЯ: сумка-шоппер из натуральной кожи (цвет брусника) (Sunbrilo).

РАСТЕНИЕВОДСТВО: астра „**Брусничка**“; астра „**Китайская брусничка**“ (Аэлита).

МЕБЕЛЬ: кухня „**Брусника**“ („Андрия“), кухня угловая „**Брусника**“ („Андрия“).

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ: сайдинг Ю-Пласт *Нокла* (Хокла) **Брусника** (ФасадПласт).

Преимущественное отсутствие цветовой конкретизации брусники в выявленных номинациях предположительно свидетельствует, несмотря на широту колористического спектра, актуализируемого в дескрипциях растения, об устойчивом цветовом стереотипе, сложившемся в сознании потребителей, с одной стороны, и подтверждает эффективность эмоциональной, или проекционной рекламы по сравнению с рационалистической при рекламировании косметической продукции (конкретизация цвета не требуется, важна эмоция) – с другой. Вместе с тем цветовая (информативная) составляющая рекламной номинации актуализируется в связи с дифференцирующей функцией цвета: например, в названиях сортов брусники. Ср.: „Красная поляна“ и „Red Pearl“ – „Костромская розовая“ – „Коралл“ – „Рубин“.

¹⁰ Ср.: *Выходит из-за гор заря; Из кубка пламенно-янтарна Брусничный морс льет на моря* (Сумароков, 1802 – выделено нами. – Т. С.), см. также „Каталог“ (Василевич, 2005, с. 203).

¹¹ Ср. диапазон „рекламного“ цвета брусники (брусничный, красный, малиновый, розовый, фиалковый): губная помада *Сахарная брусника* (цвет брусничный, розовый); лак для ногтей *Морозная Брусника* (цвет красный); лак для ногтей *Дикая Брусника* (цвет малиновый); гель-лак *Брусничная помада* (цвет розовый); гель-лак *Таежная брусника* (цвет фиалковый).

¹² Подобное колористическое отождествление наблюдается и в материале исследования Л. М. Ньюбиной, которая, обращаясь к рассмотрению некоторых аспектов языковой объективации концепта ‘Цвет’ в немецкоязычном рекламном дискурсе, отражающем „представления носителей языка о феномене „мода“ (Ньюбина, 2008, с. 117), фиксирует ряд терминов цвета, среди которых – *брусника*, относя их к группе розовый цвет и его оттенки: *Malve, Fuchsia, Pink, Rose, Brombeere* – брусника, *Himbeere* – малина, *Rhododendron, Karamell* u.a. (Ньюбина, 2008, с. 121).

Подводя итог изложенному, отметим: **1)** в колористических дескрипциях брусники принимают участие 30 терминов цвета, а также лексемы со значением ‘в цвету’, ‘не / спелый’, с семей ‘свет’ (в алфавитном порядке): *алый, багровый, багряный, белый, бордовый, бурый, вишневый, голубой, зеленый, изумрудный, карминный, киноварь, коралловый, красный, кровавый, кумачовый, лиловый, малиновый, оранжевый, пунцовый, пурпурный, рдяный, розовый, рубиновый, румяный, серебряный, серый, синий, фиолетовый, черный*; **2)** выявлено более 20 актуализируемых в описаниях растения построенных на основе терминов цвета композитов (доминирует *красный*, далее по значимости *розовый; алый, фиолетовый*), многообразии вариаций которых (*бело-розовый; серо-буро-малиновый; светло-красный, темно-алый; тепло-бордовый; ярко-красный*) свидетельствует о значимости цветовой дифференциации растения в языковом сознании носителей языка; установлена активность термина цвета *брусничный* в продуцировании композитов (зафиксировано 11 номинаций) и их модификации (*бруснично-белый; киноварно-брусничный; бледно-брусничный; нежно-брусничный; темно-брусничный; ярко-брусничный; светло-бруснично-красный*); **3)** в результате пересечения списочных составов¹³ актуализируемых в описаниях брусники терминов цвета на качественном уровне выявляется область, репрезентирующая массовый цветовой стандарт восприятия растения: во всех списках (№ 1–4) фиксируются термины цвета (в алфавитном порядке) *алый, багровый, красный*; в 3-х списках (№ 1–3) – *белый, розовый*; **4)** помимо ядра цвета, обозначена значимая периферия, представленная терминами цвета, зафиксированными лишь в одном списке, и репрезентирующая индивидуальную цветовую картину мира языковой личности: согласно НАЭ – около 20 номинаций, данным НКРЯ, поэт. – 6; **5)** количественная репрезентация терминов цвета выявляет абсолютное доминирование в визуализации брусники¹⁴ термина цвета **красный** 282, далее по ранжиру: *алый 21, зеленый 20, бордовый 15, кровавый / кровь 14*; в диапазоне от 10 до 5 – *синий, белый, розовый, фиолетовый, черный, багровый*; менее 5 – *темно-синий, темно-красный, голубой*; единичные случаи: *багряный, бруснично-бурый, бурый, вишнево-фиолетовый, изумрудный, карминный, киноварно-брусничный, коралловый, красно-алый, кумачовый, оранжевый, оттенок красного, пурпурный, розово-красный, рубиновый, светло-красный, серебряный, серо-буро-малиновый, сизый, темно-алый, темно-фиолетовый, тепло-бордовый, ярко-красный*; так брусника подтверждает свой статус образца-эталоны красного цвета; **6)** полифункциональность колористических дескрипций брусники проявляется как в реализации онтологической функции, так и эмоционально-экспрессивной, функции эстетизации действительности, культурно-маркирующей, этнолингвокультурной, а также рекламной функции; **7)** продуцирование некоторых новых терминов цвета зиждется на креативном переосмыслении описаний брусники, в основе которого лежит актуализация колористической составляющей, световой, тактильной, эмоциональной, их комплекса; рекламный дискурс обеспечивает приращение номинаций, в основе которых лежит дескрипция брусники: нами зафиксировано более 40 номинаций. Фиксация выявленных терминов цвета, описание их функциональности вносят некоторый вклад в создание полной версии цветовой концептосферы русского языка, глобальной задачи, стоящей перед лингвистами, работающими в области лингвистики цвета. Материалы и результаты данного исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, осуществляемой в русле лингвистики цвета, в разработке теоретических и прикладных аспектов изучения языковой картины мира; а также в учебно-методической работе при подготовке теоретических и практических курсов по когнитивной лингвистике, лингвистике цвета, лингвистике текста, стилистике, копирайтингу; в лексикографической практике.

БИБЛИОГРАФИЯ:

АС (2014)

Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, т. 1, 408 с. (Aktivnyj slovar' russkogo jazyka / отв. red. Ju. D. Apresjan. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, t. 1, 408 s.)

АТС (2016)

Академический толковый словарь русского языка / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, т. 1, 672 с. (Akademicheskij

¹³ Словари – № 1; НАЭ – № 2; НКРЯ, основной – № 3; НКРЯ, поэтический – № 4.

¹⁴ Термин цвета *брусничный* занимает вторую позицию – 73.

- tolkovyj slovar' russkogo jazyka / otv. red. L. P. Krysin. M.: Izdatel'skij Dom JaSK, t. 1, 672 s.)
- Астахова, Я. (2014)** Цветообозначения в русской языковой картине мира. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 234 с. (*Astahova, Ja. Cvetooboznachenija v russkoj jazykovej kartine mira. M.: Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo, 234 s.*)
- Бахилина, Н. (1975)** История цветообозначения в русском языке. М.: Наука, 287 с. (*Bahilina, N. Istorija cvetooboznachenija v russkom jazyke. M.: Nauka, 287 s.*)
- Боковели, О. (2008)** Время в философской лирике А. Тарковского. // *Вестник Бурятского государственного университета. № 10, с. 194–196. (Bokoveli, O. Vremja v filosofskoj lirike A. Tarkovskogo. // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. № 10, s. 194–196.)*
- БТС (2000)** Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1536 с. (*Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1536 s.*)
- Васильев, В. (2010)** Чичиков и Гоголь. К семантике образа и жизнеописания Чичикова. // *Сибирский филологический журнал. № 1, с. 26–33. (Vasil'ev, V. Chichikov i Gogol'. K semantike obraza i zhizneopisanija Chichikova. // Sibirskij filologičeskij žurnal. № 1, s. 26–33.)*
- Горбачевич, К. (2002)** Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 224 с. (*Gorbacevich, K. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka. SPb.: Norint, 224 s.*)
- Давыдова, А. (2016)** Образ Севера в повести Г. Аксенова „Тайбола“. // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 7–3, с. 23–26. (Davydova, A. Obraz Severa v povesti G. Aksenova „Tajbola“. // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. № 7–3, s. 23–26.)*
- Даль, В. (2006)** Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т., т. 1. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 752 с. (*Dal', V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka v 4 t., t. 1. M.: RIPOL KLASSIK, 752 s.*)
- Дзюба, Е. (2015)** Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 629 с. (*Dzjuba, E. Lingvokognitivnaja kategorizacija dejstvitel'nosti v russkom jazykovom soznanii. Ekaterinburg: Ur. gos. ped. un-t, 629 s.*)
- Кезина, С., Перфилова, М. (2017)** Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка. // *Российский гуманитарный журнал. № 167, т. 6, с. 67–81. (Kezina, S., Perfilova, M. Dinamika valentnosti cvetooboznachenij v istorii russkogo jazyka. // Rossijskij gumanitarnyj žurnal. № 167, t. 6, s. 67–81.)*
- Кожевникова, Н., Петрова, З. (2015)** Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: „Растения“. М.: Языки славянской культуры, 448 с. (*Kozhevnikova N., Petrova, Z. Materialy k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 3: „Rastenija“. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 448 s.*)
- Кропотухина, П. (2014)** Концептосфера „Мир растений“ как объект лингвистических исследований. // *Педагогическое образование в России. № 6, с. 35–39. (Kropotuhina, P. Konceptosfera „Mir rastenij“ kak ob#ekt lingvisticheskikh issledovanij. // Pedagogičeskoe obrazovanie v Rossii. № 6, s. 35–39.)*
- Кульпина, В. (2019)** Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 288 с. (*Kul'pina, V. Lingvističeskaja cvetologija: ot istorii k sovremennosti cvetovyh konceptosfer. M.: MAKS Press, 288 s.*)
- Кульпина, В. (2001)** Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 470 с. (*Kul'pina, V. Lingvistika cveta. Terminy cveta v pol'skom i russkom jazykah. M.: Moskovskij Licej, 470 s.*)
- Маркова, Е., Эйсави, Б. (2018)** Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3, с. 193–204. (Markova, E., Jejsavi, B. Vneshnost' cheloveka skvoz' kulinarnuju metaforu v russkom i arabskom jazykah. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. № 3, s. 193–204.)*

- Моисеенко, В., Моисеенко, Л. (2007)** Система русских цветоименований в функциональном аспекте. // *Szlavisztikai Napok – Studia Slavica Savariensia*. № 1–2, с. 287–308. (Moiseenko, V., Moiseenko, L. Cistema russkih cvetonaimenovanij v funkcional'nom aspekte. // *Szlavisztikai Napok – Studia Slavica Savariensia*. № 1–2, s. 287–308.)
- Моисеенко, Л. (2008)** О наименованиях цвета в произведениях Н. В. Гоголя. // *Studia Slavica Savariensia*. № 1–2, с. 239–245. (Moiseenko, L. O naimenovanijah cveta v proizvedenijah N. V. Gogolja. // *Studia Slavica Savariensia*. № 1–2, s. 239–245.)
- НКРЯ** Национальный корпус русского языка <www.ruscorpora.ru/new> (24.07.2021). (Nacional'nyj korpus russkogo jazyka <www.ruscorpora.ru/new> (24.07.2021)).
- Нюбина, Л. (2008)** К вопросу об обозначении цвета в моде (на материале немецкого языка). // *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 4 (017), с. 117–126. (Njubina, L. K voprosu ob oboznachenii cveta v mode (na materiale nemeckogo jazyka). // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. № 4 (017), s. 117–126.)
- Паустовский, К. (1982a)** Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. Т. 3, 687 с. (*Paustovskij, K. Sobranie sochinenij: v 9 t. M.: Hudozh. lit., T. 3, 687 s.*)
- Паустовский, К. (1982с)** Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. Т. 5, 591 с. (*Paustovskij, K. Sobranie sochinenij: v 9 t. M.: Hudozh. lit., T. 5, 591 s.*)
- Паустовский, К. (1983a)** Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. Т. 6, 623 с. (*Paustovskij, K. Sobranie sochinenij: v 9 t. M.: Hudozh. lit., T. 6, 623 s.*)
- Паустовский, К. (1983b)** Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. Т. 7, 575 с. (*Paustovskij, K. Sobranie sochinenij: v 9 t. M.: Hudozh. lit., T. 7, 575 s.*)
- Паустовский, К. (1984)** Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. Т. 8, 447 с. (*Paustovskij, K. Sobranie sochinenij: v 9 t. M.: Hudozh. lit., T. 8, 447 s.*)
- SLOVARI.RU** Проект SLOVARI.RU <www.slovari.ru> (16.09.2020). (Proekt SLOVARI.RU <www.slovari.ru> (16.09.2020)).
- РАС (2002)** Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: АСТ-Астрель, Т. I: От стимула к реакции, 784 с. (*Russkij asociativnyj slovar': v 2 t. M.: AST-Astrel', T. I: Ot stimula k reakcii, 784 s.*)
- Серов, Н. (2009)** Обзор цветовых концептов. // *Ученые записки СПб ГИПСР*. т. 12, Вып. 2, с. 148–156. (Serov, N. Obzor cvetovyh konceptov. // *Uchenye zapiski SPb GIPSR*. t. 12, Vyp. 2, s. 148–156.)
- Сун Чуньчунь, Чарыкова, О. (2016)** Система колоративов в рекламных каталогах декоративной косметики. // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 3, с. 30–32. (Sun Chun'chun', Charykova, O. Sistema kolorativov v reklamnyh katalogah dekorativnoj kosmetiki // *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. № 3, s. 30–32.)
- Фрумкина, Р. (1984)** Цвет. Смысл. Сходство (аспекты психолингвистического анализа). М.: Наука, 175 с. (Frumkina, P. Cvet. Smysl. Shodstvo (aspekty psiholingvisticheskogo analiza). M.: Nauka, 175 s.)
- Харченко, В. (2009)** Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 532 с. (Harchenko, V. Slovar' cveta: real'noe, potencial'noe, avtorsкое. M.: Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo, 532 s.)
- Цвет и названия (2005)** Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 216 с. (Cvet i nazvanija cveta v rusском jazyke / pod red. A. P. Vasilevicha. M.: KomKniga, 216 s.)
- Шулова, А. (2008)** „Мир растительный“ в „Москве“ А. Белого. // *Русская речь*. № 5, с. 29–32. (Shulova, A. „Mir rastitel'nyj“ v „Moskve“ A. Belogo. // *Russkaja rech'*. № 5, s. 29–32.)
- Юрина, Е., Боровкова, А. (2014)** Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, в „Словаре русской кулинарной метафоры“. // *Вопросы лексикографии*. № 2 (6), с. 106–121. (Jurina, E., Borovkova, A. Sposoby tolkovanija obraznyh cveooboznachenij, motivirovannyh naimenovanijami pishhevyyh produktov, v „Slovarе russkoj kulinarnoј metafory“. // *Voprosy leksikografii*. № 2 (6), s. 106–121.)